

18+

Евгения Шиланская

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГОРОД

Евгения Шилянская
Хрустальный город

«Издательские решения»

Шилянская Е. С.

Хрустальный город / Е. С. Шилянская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986558-8

Главная героиня просыпается в мире, где смерть — не финал, а стартовая точка. Здесь нет ни рая, ни ада — только лабиринт эмоций, в котором каждый встречный либо твоя травма, либо твой шанс.

ISBN 978-5-44-986558-8

© Шилянская Е. С.
© Издательские решения

Содержание

Письмо	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Хрустальный город

Евгения Сергеевна Шилянская

Дизайнер обложки Евгения Сергеевна Шилянская

© Евгения Сергеевна Шилянская, 2025

© Евгения Сергеевна Шилянская, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4498-6558-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо

Дорогой незнакомец,

Если эта книга попала к тебе в руки – значит, где-то я совершила ошибку. Или, может, наоборот – наконец сделала что-то правильное. Ты же знаешь, как это бывает: мы называем «шедевром» то, что должно было стать криком, но превратилось в эхо. Прочти эти строки не как предисловие. Прочти их как признание.

Мой идеал – это нож, отточенный так, чтобы резать сам воздух; слово, вырванное из горла вместе с кровью; мелодия, которая не звучит – впивается. Ты чувствуешь? Вот так и я – не умею творить иначе. Мне говорят: «Успокойся, найди золотую середину». А я смеюсь. Хищник не станет травоядным, даже если притворится им ради твоего удобства.

Великие? Их биографии пестрят провалами. Наверное, ты слышал о Ван Гоге, который отрезал себе ухо, чтобы заглушить тишину? Или о Цветаевой, что топила одиночество в чернилах, пока не ушла на дно? Они не святые – они сломавшиеся мосты. По их изломам я прокладываю свой путь. Да, и мне нужна толпа. Но не для аплодисментов – чтобы услышать, как мои трещины звучат в чужих душах. Без этого эха я задохнусь, как ты – без воздуха.

Ты думаешь, я горжусь своей «ненормальностью»? Это не доблесть. Это цена. Я не выбирала быть ножом – просто не умею быть ложкой. Моя религия – вечный бой с холстом, который смеётся надо мной; со строкой, что рвётся, как нитка; с тишиной, что звенит громче любого набата. А мой кошмар? Проснуться однажды сытой. Умиротворённой. Такой... как ты.

Да, ты. Тот, кто сейчас сидит в уютном кресле с чашкой кофе, где пенка аккуратно касается краёв. Тот, кто придёт в галерею, посмотрит на мои «сгустки боли» на стенах и скажет: «Интересно». Потом поцелует жену, проверит почту, уснёт под мерцание телевизора. Но если ты задержался на этом письме – значит, где-то в тебе есть разлом. Тот самый, в который я бросаю зёрна безумия.

Не бойся. Это не заразно. Или заразно – но уже поздно. Ты ведь уже открыл эту книгу? Тогда помни: каждая её страница – осколок зеркала, в котором я пыталась разглядеть себя. А теперь в нём видишь себя ты.

Уже решил, что я просто сумасшедшая? Тогда ответь: разве нормальный человек стал бы читать это до конца?

С уважением,

Катарсис

P.S. Если ты ищешь меня – не ищи. Эта книга – всё, что от меня осталось. Или, может, единственное, что было реальным.

Глава 1

Дождь висит в воздухе, цепляется за пыль на фонарях. Их свет, жёлтый и прерывистый, скользит по стенам. Дома построены из маленьких хрустальных кубиков разных цветов. Они звенят при ветре, как хрустальные люстры. В их отражениях мелькают силуэты: то женщина с венком из шипов на голове, то старик, прижимающий к груди огромные часы.

Воздух холодный. Каждый вдох обжигает горло. Я иду, эхо шагов смешивается с шепотом за моей спиной: «Смотри, она ещё не знает... Новенькая...».

Первый, кто врывается в поле зрения, – парень у фонаря. Он курит, зажав сигарету в зубах. На голове у него шевелится белая масса. Присматриваюсь – вижу: это опарыши. Они копошатся в чём-то липком, падают ему на плечи, застревают в складках куртки. Он не смахивает их, лишь выпускает дым через ноздри, будто его голова тлеет изнутри.

– Красиво? – хрипло спрашивает он, заметив мой взгляд.

Опарыш упал с его ресницы прямо на губу. Он слизнул его и усмехнулся. Я отвернулась так резко, что шея хрустнула, закрыла рот рукой, пока язык горько сводило от желчи, поднявшейся изнутри.

Город бурлит. Улицы – узкие щели между кристаллических домов. Толпа колышется, как живое существо. Женщина с колючками вместо волос торгует осколками зеркал: – Увези чужую боль! Всего 5 минут за слезу! В три раза дешевле просмотра телешоу!

Рядом торговец предлагает амулеты и подвески: – Вот – восторг от первого полёта. Тут – дрожь влюблённости.

У фонтана девушка в платье из воздушных перьев. Она кружится, а за ней тянется шлейф блёсток, которые не падают на землю, а замирают в воздухе, как звёзды. – Танцуй! – кричит она. – Здесь можно всё!

У перекрёстка – драка. Девушка в платье из лепестков бьёт женщину с короной из колючей проволоки. Бабочки с её плеч впиваются в кожу соперницы. – Верни мои надежды! – рычит женщина. – Сама отдала! – смеётся девушка.

«Они все здесь сумасшедшие. Или это я? Что это за место? Цирк уродов?»

Кто-то выскочил из переулка, едва не сбив меня с ног. Его лицо зажато в пасти огромной рыбы – чешуя блестит, как мокрая жель, жабры хлопают, выплёвывая слова: – Жизнь – это тьма, которая воняет тухлой рыбой!

Запах ударил в нос – сладковатый, гнилостный. – Философия для тех, кто не дотянул до утра, – бросаю я.

Он фыркнул, брызнув слюной из жабр, и скрылся за углом.

Внезапно передо мной появилась девочка: розовое платье, маки в волосах, бабочки. Настоящие. Одна села мне на рукав, крылья – бархат с узором «глаз совы». – Ты потерялась? – её голос звенит, как колокольчик в пустом доме. – Нет, – солгала я. «А если да? Что если это всё сон? Безумный сон от переутомления».

– Бабушка ждёт, – она указывает на маяк, чей силуэт дрожит вдали. – Там.

Бабочки метались, будто её радость их обжигала. Надо подняться. Оттуда, с высоты, я смогу понять, где нахожусь.

Мрачные узкие улочки то сходятся в перекрёстках, то разбегаются в разные стороны. Напоминает лабиринт, созданный безумным архитектором. Красота и угрюмость этого города завораживает.

Я подхожу к маяку, почти не чувствуя ног. У дверей стоит маленькая, сухонькая старушка. Её голова увенчана клубками спутанных седых волос, в которых, словно забытые сокровища, застряли спицы для вязания. На самой макушке спят два кота – один чёрный, другой рыжий – их дыхание сливается с движениями старушки. На плечах старушки лежит ста-

рый шерстяной платок, местами истёршийся и потрёпанный временем. Её морщинистые руки движутся с замедленной грацией. Она рассеивает вокруг себя пыль, которая мягко ложится на землю, и каждая её щепотка направлена... книгам. Только сейчас я заметила, что возле ног старушки порхают книги! Обложки шевелятся, страницы тихо шелестят, вздыхают, готовые взлететь или опуститься на руку старушки.

– Ну-ка, кушайте, мои хорошие! – причитает она, обращаясь к книгам, словно к детям, которых хочет утешить. – Совсем зачихали без интереса!

Книги тихонько шуршат, будто шепчут друг другу: «Жить полной жизнью можно лишь ценой собственного „я“ (1)», – тихо говорит одна из книг. «Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи (2)», – вторит другая. «Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться (3)», – добавляет третья.

Старушка, похоже, не замечает ничего странного. Её глубокие, мудрые глаза устремлены куда-то вдаль. Может, она знает, что происходит и где мы находимся? – Где я? Что это за место? – спрашиваю я, а голос звучит будто не мой.

– Голубушка моя... Эх, эх... При моём прибытии всё иначе было. Тогда новичков встречали. Дух захватывало! Время-то какое было! Пойдём-ка, милая, наверх. Всё тебе расскажу, всё покажу...

Прежде чем я успела опомниться, старушка уже вела меня вверх по лестнице. Она идёт впереди, останавливаясь через каждые несколько ступеней – не для отдыха, а словно прислушиваясь к чему-то.

Комната наверху сияет тысячами бликов – занавески из битого хрусталя переливаются на свету. В углу стоит потёртое кресло-качалка, рядом – старый комод с паутиной царापин на зеркале.

– Так-с, познакомимся поближе, – проскрипела старушка, подходя к зеркалу. – Гляди сюда, девочка. Что видишь?

Я вздрогнула – отражение улыбнулось мне, хотя я точно не улыбалась. Зеркало показало камни на моей голове – тяжёлые, как невыплаканные слёзы. – Это твоя ноша, – сказала старушка. – Боль, которую ты носила в себе, пока была живой.

– Это просто сон, – шепчу. Картинки детства мелькают перед глазами: музыкальная школа, первая любовь, фреска в храме... Последнее, что помню – падение с высоты.

– Катарсис, – произносит старуха. – Неважно, как раньше звали тебя там. Здесь ты – Катарсис. Тебя всегда так звали, просто ты этого не знала. Ты очищала боль искусством – теперь это твоя суть.

– Но... почему? Как?

– Умерла, голубушка. Умерла. Только нет ни рая, ни ада. Все приносят с собой своё небо или свою преисподнюю в себе. А мы... мы – город чувств. За морем – Железный город мыслей. Есть разные города, и все мы – часть мозга высшего организма. Те, кого ты видела: Разочарование, Паника... Они тоже когда-то были людьми.

Она внезапно замолкает, глядя в окно, где чернело море. – Научись жить заново, – продолжает она уже мягче. – Подключайся к живым. Почувствуй их радость, их боль... Иначе ты просто растаешь.

Старушка подвела меня к медвежьей шкуре: – Садись. Закрой глаза. Дыши. Помни: где-то есть человек, который нуждается именно в тебе сейчас.

Я опустилась на тёплый мех, чувствуя, как сердце начинает успокаиваться. Мир вокруг тает, как воск на солнце.

Когда я открываю глаза, передо мной, в самом воздухе, возникает нечто необъяснимое: тонкая мерцающая нить, которая соединяет меня с кем-то невидимым. – Нить... – произношу я шёпотом, чтобы не нарушить эту хрупкую гармонию. – Она здесь. Она светится.

– Держись за неё, – доносится голос, словно из глубины этого странного света.

Я протягиваю руку, и в момент прикосновения по телу пробегает волна тепла, мягкого, как солнечный луч в летнее утро. Всё меняется: воздух становится плотнее, а пространство озаряется ярким сиянием. И передо мной раскрывается рукотворное чудо – колоссальная статуя.

Статуя святого – символ стремления к вечности, к тому, что выше нас самих. Она словно парит в воздухе, устремляясь к небу. Основание статуи теряется в тумане, а её распостёртые руки словно обнимают весь город.

Я стою перед ним, в груди сплетается трепет и умиротворение. Я чувствую, как по щекам текут слёзы. Мы так малы перед лицом вечности, и в этой малости есть своя красота – как в капле росы, что отражает целое небо.

– Вернись! Ты должна вовремя уметь возвращаться! Слишком большая порция эмоций может свести с ума человека или даже убить! – голос бабушки Ностальгии звучит резко, вырывая меня обратно.

Я отвела взгляд – статуя исчезала, подобно сну, который стирается из памяти с первым пробуждённым вздохом. В голове звучит предупреждение: «Знай меру!». Тепло, наполнявшее меня, начинает уходить, оставляя после себя лёгкую дрожь.

– Посмотри на себя, как похорошела! – бабушка Ностальгия смотрит на меня с одобрением.

– Да... – отвечаю я, всё ещё находясь под впечатлением. – Кто эти люди, к которым мы подключаемся?

– Просто люди. Человек ежеминутно переживает целый спектр эмоций. Одни разрушают его, другие возвышают. Но я хочу тебе сказать, что у нас тут нет плохих или хороших. Страх и гнев – это не монстры. Это мясники, которые рубят слабых и оттачивают клинки душ сильным. Понимаешь? Иными словами, те, кого они не сломали, становятся сильнее. И знаешь, в них чувства возвышения более яркие.

Я киваю, стараясь осмыслить её слова. Мой разум переполнен, я словно пытаюсь удержать в руках воду. Этот город, эти люди, эта нить – всё это часть чего-то большего, чего-то, что я пока не могу полностью осознать.

– Теперь ты знаешь, как подключаться. Но помни, – бабушка Ностальгия поднимает палец, – ты должна научиться балансировать между этим миром и тем, что внутри тебя.

– Поняла, – говорю я. – Но что дальше?

– Это ты должна решить сама, – она улыбается, по-матерински ласково. – Каждый твой выбор будет иметь последствия. Ты – часть этого мира, и твои действия влияют на него.

Я смотрю на светящуюся нить, которая всё ещё пульсирует передо мной. Она кажется такой хрупкой, но в то же время бесконечно сильной. – Я хочу узнать больше.

Глава 2

Тёмное полотно морской глади слегка колышется. Небо, затянутое облаками, скрывает звёзды, но горизонт уже светлеет. Скоро рассвет. В этой странной полутьме, между небом и водой, парят книги. Их страницы шелестят, как крылья, а обложки мелькают, то тёмные, то светлые. Они выкрикивают обрывки фраз, но их голоса теряются в шуме волн.

На том берегу, в дымке, виднеется город. Его очертания смутны, но я различаю высокие башни, трубы, из которых валит дым, и огни, мерцающие, как звёзды. Между берегами тянется подвесной мост, вдоль него вспыхивают редкие фонари, рассеивая мягкий свет.

Я стою на берегу, чувствуя, как ветер треплет мою одежду. Вопрос, возникающий в моём сознании, повторяется снова и снова: я – часть чего-то огромного и бесконечного? Или бесконечность – это часть меня? Раньше такие мысли казались мне далёкими, но сейчас всё вокруг так необычно, что привычные размышления кажутся чужими.

Одна из книг, с обложкой, напоминающей старую кожу, приблизилась. Её голос шептал: «Знание – это мост, но не каждый решится перейти его. Какую цену ты готова заплатить за истину?» Её слова отзываются во мне эхом. Я смотрю на переход. Он кажется таким хрупким, почти призрачным.

Слова книги будто невидимые потоки тянут меня вперёд. Я вдыхаю солёный воздух и направляюсь к мосту. Ветер усиливается, обдавая холодом.

В Железном городе есть что-то важное, я чувствую это! Я замираю, подойдя к мосту. Делаю первый шаг и чувствую, как доски под ногами скрипят, мост колеблется под моим весом. Сердце бьётся так громко, что, кажется, его слышно даже книгам. Ещё один шаг. И ещё. На середине моста я замечаю фигуру. Это человек в длинном плаще и с тростью в руке. Он стоит спиной ко мне, но, когда я приближаюсь, оборачивается. Я чувствую, что он улыбается, хотя его лица мне не видно.

– Ты тоже ищешь ответы? – спрашивает он. Его губы не шевелятся, а голос доносится откуда-то из-за облаков.

Я не успеваю ответить. Волны вдруг становятся выше, а книги вокруг замолкают.

– Ты уже сделала свой выбор? – голос звучит раскатистым громом, – теперь беги, пока не поздно!

Мост сильно дрожит, и я чувствую, как деревянные доски под ногами начинают трескаться. Ветер рваными порывами налетает на меня и хлещет солёными брызгами волн. Сжав зубы, я рвусь вперёд. Слышно, как позади ломается мост. Не оборачиваться! Свет маяка мечется, как безумный: то вспыхивает ярко, то угасает. Каждая вспышка проявляет ужас: море, взбешённое и пенящееся, рвётся к небу, стремясь поглотить всё вокруг.

Когда свет гаснет, всё погружается в кромешную тьму, и слышен лишь дикий рёв воды, смешанный с жалобным скрипом деревянных балок.

Новая вспышка света разрезает ночь. Берег совсем близко! Невольно я оборачиваюсь назад: разрушение совсем рядом. Доски разлетаются в щепки, металлические тросы рвутся, как нитки, мост накренился... Брызги воды летят во все стороны. Всё погружается во мрак.

С последним отчаянным прыжком я приземляюсь на твёрдую землю, и в тот же миг мост за моей спиной с грохотом рушится в море. Вода взметнулась вверх фонтаном, захлестнув обломки дерева и металла. Последние остатки моста исчезают под волнами, оставляя после себя лишь бурлящую поверхность воды.

Вдруг город исчез, растаял. Вместо него – пустота, бескрайняя и безмолвная. Позади слышится угрожающий рокот воды: огромная волна, готовая обрушиться с ужасающей мощью прямо за моей спиной. Паника сжимает горло, и вот я уже падаю в бездну. Темнота...

Я просыпаюсь резко, будто меня выбрасывает на берег штормовым валом. Грудь жадно хватает воздух, пальцы впиваются в песок. «Это был сон? Но как это возможно?» Я касаюсь ладонью воды. Ледяная. Реальная. «Я ведь умерла. Разве после смерти бывают сны? Или это просто ещё один слой реальности?»

Я закрываю глаза, пытаюсь вспомнить всё, что произошло. Мост, книги, человек в плаще... Его слова: «Ты сделала свой выбор». Что это значит? Какой выбор?

Медленно поднимаюсь, чувствуя прохладный песок под ногами. Вокруг – тишина, нарушаемая лишь переливом прибоя. Я смотрю на мост. Он всё ещё там, всё такой же хрупкий и ненадёжный. Что всё это может значить?

Знакомый голос за спиной вырывает меня из раздумий: – Никогда не понимала, как можно оставаться несчастной на берегу моря! – это Радость. Она подбегает ко мне вприпрыжку. – Задумчивой можно, а несчастной – нет. Такой простор! Море – это свобода, к которой можно прикоснуться.

Радость садится рядом, подставив лицо ветру, а затем неожиданно обнимает меня. – Я так рада тебя видеть! – Потом она отступает на шаг, смотрит на меня и вдруг легонько касается своего лица. – Знаешь, многие считают, что я совсем не красавица... Все из-за этих проклятых веснушек! А бабушка Ностальгия уверяет, что они милые, как весенние цветы в её юности.

– Мне нравятся твои веснушки, – говорю я, улыбаясь. – Они похожи на поцелуи солнца.

– Правда? Никогда не думала об этом! Как здорово! – Радость начинает прыгать вокруг меня, её энергия заразительна.

Пока она танцует, мой взгляд случайно зацепляется за что-то в море. Там, метрах в пятидесяти от берега, дрейфует небольшой плот. Он покачивается на волнах, словно потерянный лист, принесённый течением. На нём, распростёршись, лежит парень. Он не похож на здешних: каштановые волосы, белая рубашка, тени татуировок на руках – всё выдаёт в нём чужака.

– Кто это? – спрашиваю я, не отрывая взгляда.

– Не знаю, но давай посмотрим! – Радость бросается в воду.

– Подожди! – кричу я, но она уже плывёт к плоту.

Без раздумий я следую за ней. Мы вцепляемся в мокрые верёвки – я тяну, а Радость, стиснув зубы, толкает плот сзади. Ноги скользят по мокрому песку: шаг вперёд, полшага назад. Через несколько минут мы выволакиваем плот на мель. Парень лежит неподвижно, я невольно приглядываюсь. Лицо – вытянутое, слегка асимметричное: правая бровь чуть приподнята, а губы сжаты так, будто он вот-вот скривится или усмехнётся. Мокрые каштановые пряди с рыжим отливом прилипают ко лбу, а вода с них стекает за воротник рубашки, оставляя мокрые пятна на ткани. Ресницы – длинные, неестественно длинные, – дёргаются, словно он ворочается в каком-то тревожном сне. Я затаиваю дыхание: вдруг проснётся? В нём чувствуется что-то опасное, чужое. Даже сейчас, когда он то ли спит, то ли в отключке, кажется напряжённым: мышцы лица подрагивают, пальцы слегка сжимаются. Как будто внутри у него тикают часы, а снаружи – мрамор.

Но больше всего поражают его руки. Они покрыты татуировками: тонкие линии, цифры, символы, которые я не могу разобрать. Они напоминают математические формулы. Символы переплетаются, как паутина, от запястий до локтей, а может, и дальше – под рубашкой... Похоже на какой-то шифр. Рука сама тянется, и я провожу пальцем по одной из линий, едва касаясь кожи. Она тёплая, с лёгкой прохладой.

Он вдруг пошевелился, и я вздрагиваю. Рука, которая только что лежала безвольно, слегка дрогнула, и у меня внутри всё сжимается. Его лицо кажется таким... знакомым, будто я видела его в давно забытом сне. Может, это просто игра света, или моя усталость, или что-то ещё?

...Вдруг гулкий удар по голове отключает свет. Темнота... Боль пронзает виски, словно кто-то вогнал в череп раскалённый гвоздь. Я открываю глаза и тут же зажмуриваюсь. Слишком

ярко. Слишком больно. Пытаюсь сесть, но мир вокруг кружится, и я едва не падаю обратно. Что-то нежное и шёлковое касается моих плеч, рук. Я дотрагиваюсь до головы. Волосы? Мои камни исчезли, и вместо них – длинные светлые локоны. Я провожу пальцами по ним, не веря своим ощущениям. Камни были частью меня. Они защищали, скрывали, давали ощущение твёрдости. Теперь я чувствую себя... голой.

– Очнулась! – раздаётся звонкий голос. Радость подпрыгивает передо мной. – Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит, – шепчу я, сжимая виски. – Что произошло?

– Я разбила твои камни, – улыбается она, словно это было самое обычное дело. – Они мне не нравились. Ты теперь выглядишь намного лучше!

Я хочу что-то ответить, но в этот момент подходит спасённый нами парень. В его взгляде читается едва скрываемое раздражение.

Он стоит передо мной, капли воды с рубашки падают на песок, а взгляд – серо-зелёный, как штормовое море – режет меня в ответ. – Я не просил, чтобы меня спасали, – бросает он.

– «Не просил, чтобы тебя спасали»?! – вырывается у меня, и болью отдаётся в висках. – Тогда может, стоило утонуть по-тихому, а не маячить тут, как дохлая медуза?

Он резко выпрямляется. – И где ты только раньше была с такой изумительной идеей?

Радость дёргает меня за рукав, но я отмахиваюсь. Парень нахмурился, его пальцы непроизвольно сжимаются – татуировки на руках будто бы шевелятся.

– А как тебя вообще зовут-то? – встречает Радость, вылезая из-за моей спины. – Я – Радость. А это Катарсис. У неё бывает, не обижайся...

Он на секунду замирает, будто имя «Катарсис» бьёт его по лицу. Губы дрогнули в кривой усмешке. – Вектор.

– Вектор... – Радость нахмурила лоб. – Как стрелка?

– Как направление. Ты либо движешься со мной, либо против меня.

Я фыркаю. Пафосный тип. – И в каком же направлении ты сейчас? В сторону дна?

Уголки его губ дрогнули – не улыбка, а оскал. – В сторону от всех.

Я скрещиваю руки, нарочито медленно обводя его взглядом. Его глаза тусклы, слова коротки и осторожны, а плечи ссутулились. В его поведении чувствуется скрытая усталость и напряжение. – Тебя выгнали? – спрашиваю я, не скрывая догадки.

Он напрягается и замирает. – Да.

Радость ахает, всплеснув руками: – Почему?

– Может, ты что-то натворил? – перебиваю я, не дав ему вдохнуть.

Он резко поворачивается, и в его глазах вспыхивает что-то опасное. – Если бы знал – не болтался бы тут как... – он запнулся, ища сравнение, но я перехватываю:

– Как дохлая медуза?

– Как ошибка в уравнении, – поправляет он холодно. – Проснулся – увидел патруль. Без объяснений, без суда – пытались расщепить. Но я сбежал.

Я прищуриваюсь, не врёт ли? Но в его голосе только усталое безразличие. – Может, ты опасен? – провожу пальцем по воздуху вдоль его рук с татуировками. – Вдруг взорвёшься, как перегретый реактор?

Вектор внезапно шагает ко мне, наклоняясь так близко, что я чувствую запах соли на его коже: – Если бы взрывался от глупых вопросов – ты бы уже летела в стратосферу.

Радость снова вклинивается: – Хватит! Бабушка Ностальгия всё знает, она поможет. Пойдем к ней!

– Ностальгия? – Вектор фыркает, отступая. – Звучит как болезнь.

– Бабушка Ностальгия может помочь! Она помнит даже те времена, когда города были едины. Или ты предпочитаешь вечно прятаться?

Он замирает, глаза бегают по горизонту, будто ищут путь к отступлению. Потом произносит тихо: – Бесполезно.

– А если нет? – Радость хватается его за рукав. – Ты же не хочешь быть вечно чужим для всех?

– Хочу тишины, – он пытается высвободиться, но она вцепляется мёртвой хваткой.

– Тогда заткнись и иди с нами, – сказала я и направилась к маяку.

Вектор издаёт хриплый звук, похожий на смешок: – Катарсис... Это имя тебе дали за талант выносить мозг?

– Нет, за умение очищать мир от нытиков, – огрызаюсь я, но уголок рта сам собой дёргается вверх.

– Вперёд, – Радость хватается нас за руки. – Но сначала... – она тычет меня в бок, – извинись.

– За что?!

– Ты назвала его дохлой медузой. Это было грубо.

Вектор фыркает. – Ладно, – кривлюсь я. – Прости за то, что вытащила тебя на сушу, медуза.

Он вздыхает, поднимает глаза к небу. – Прощаю, – процеживает сквозь зубы. – Спасительница.

Мы идём вдоль обрыва, не глядя друг на друга. Радость семенит впереди, напевая что-то о радугах и солнечных днях. Её голос звенит, как колокольчик, но веселье кажется мне сейчас чем-то очень далёким. Вектор идёт чуть позади. Я чувствую его взгляд на своей спине, но не оборачиваюсь.

– Ты вообще знаешь, куда ведёшь? – наконец нарушает молчание Вектор.

– Не ной, – огрызаюсь я. – Тебе дали шанс.

– Шанс стать вашим козлом отпущения? – он чуть усмехается, не пряча издёвку.

Радость оборачивается: – Бабушка всё объяснит! Вы оба...

– Не лезь! – рываем мы хором.

Она надувается и замолкает. Мы идём молча, пока тропа не начинает сужаться, заставляя меня идти впрыток к Вектору. – Почему тебя вообще выгнали? Неужто за дурной характер? – спрашиваю я, стараясь звучать как можно более безразлично.

Он резко замирает. Татуировки на его руках вспыхивают синим – формулы смешиваются с волнообразными линиями. – Потому что я ошибка, – прорычал он. – Не мысль, не чувство. Просто баг в системе.

Я отшатываюсь, но не даю ему заметить моё замешательство: – Понамешано в тебе всего понемногу, прям дворняга.

Вектор явно собирается метнуть в мою сторону очередную колкость, но не успевает. Из-за домов мелькают тени патруля Хрустального города. – Бежим! – толкаю Вектора в спину.

Он спотыкается, но не огрызается. Мы рванули к маяку без оглядки. У дверей стоит бабушка Ностальгия – вокруг неё кружатся книги, словно взволнованные птицы. Она опирается на косяк, пальцы слегка дрожат, но глаза горят тревогой и решимостью. Ностальгия переводит взгляд на нас и тихо произносит: – Книги уже все рассказали. Внутрь, быстро! – бросает она через плечо, нервно озираясь по сторонам.

Дверь захлопывается с глухим стуком. – Быстрее! – бабушка толкает нас в спину, но сама задерживается, вцепившись в поручень.

Мы рвёмся вверх, ступени леденеют под босыми ногами. Радость прыгает через две ступеньки, я волоку Вектора за рукав, а бабушка пыхтит сзади.

Старушка вваливается последней, прислонившись к косяку. Грудь ходит ходуном, седые пряди облепили лицо, голос стальной: – Слушайте внимательно! То, что вы затеяли, – это игра с огнём. Жители разных городов не могут общаться без последствий. Один из вас поглотит

другого, и в конце концов... – она замолчала, переводя дух. – Один из вас исчезнет. Навсегда. Вектор, твоё появление здесь уже вызывает волнения. Тебе нужно вернуться, пока не поздно.

Радость, которая до этого момента прыгала вокруг нас и напевала что-то весёлое, вдруг замирает. Её глаза расширяются, а голос становится тихим и неуверенным: – Но... Вектор не может вернуться. Он не совсем из Железного города. Он... он другой. Его не примут там.

Бабушка Ностальгия молча ведёт Вектора к зеркалу. Оно мутное, словно покрытое лёгкой дымкой, и отражает лишь помехи. – Я же говорила... – начинает бабушка, но её слова обрываются. В зеркале вдруг мелькают обрывки – кадры из жизни Вектора: его одиночество, бегство, борьба с самим собой.

Вектор стоит неподвижно, и я вижу, как внутри него что-то рвётся, но он сдерживается.

Бабушка сжимает губы и тихо произносит: – Невероятно... Ты – наполовину мысль, наполовину... внутренний конфликт. Ты – сочетание разума и эмоции, которые не могут найти покоя. Как такое возможно?

Смотрю на Вектора и понимаю: он – живое противоречие, балансирующее между двумя мирами, и именно это делает его таким особенным. – Значит, он может остаться, – выпаливаю я, перебивая бабушкин шёпот. – Мы все здесь. Никто не исчез!

Ностальгия напоминает мне сейчас мою бабушку, когда та отчитывала меня за провинности. – Дитя, – её голос дрожит, но не от мягкости. – Ты не понимаешь, чего нам это стоило тогда...

Я сжимаю кулаки. Даже здесь, в этом странном мире, могут размахивать правилами, как дубиной. Вектор прислоняется к стене, будто всё это его не касается. Ну конечно, ему всё равно! Ни капли благодарности! Но тут уже дело не в нём. Если есть он, значит, есть и другие. И никто не вправе изгонять их за то, в чём они не виноваты! Это просто... несправедливо. – Вот именно – тогда! – топаю я ногой, и Радость вздрагивает, переставая прыгать вокруг Вектора. – Ты говоришь о прошлом, а он – вот он! Здесь и сейчас! И он не вписывается в твои рамки, вот и всё. Может, рамки кривые?

Вектор хмыкает. Я оборачиваюсь – он смотрит в окно, на туман, что растекается под мостом. – Оставь, Катарсис, – бросает он через плечо. – Я могу остаться под мостом? Тишина. Никто не орёт про «баланс» и «опасность».

Радость подскакивает к нему, хватая за рукав: – Но под мостом в одиночестве очень сложно радоваться! Одиночество ещё никого не сделало счастливее...

Он дёргается, но не вырывается. – Быть вдаль от всех, не обязательно быть одиноким, – проворчал он.

Бабушка Ностальгия смотрит на Вектора с мягкой решимостью: – Ты можешь остаться под мостом. Я сообщу патрулю, чтобы они не трогали тебя. Но жить придётся отдельно, избегая контакта с эмоциями. Решение принято. Вектор уходит. Сейчас.

Что-то щёлкает у меня в груди. Я шагаю вперёд, перекрывая ей путь. – Нет. – Голос не дрожит, хотя внутри всё горит. – Боишься прошлого? Так создай будущее!

– Они исчезали, Катарсис. На моих глазах. – шипит она.

– Я уже уйду, – перебивает он, направляясь к двери. – Надоели драмы.

Просто так я это всё равно не оставляю! Я хватаю его за руку. – Я с тобой.

– Чего? – он оборачивается.

– Буду навещать. Принесу спальник, книги...

– Мне не нужна благотворительность.

– Не благотворительность. Доказательство. – Тычу пальцем в сторону бабушки. – Что ты не ошибка. Что самое опасное в тебе – это твой ужасный характер.

Радость прыгает к нам, сияя: – Я тоже! Я принесу фонарики и гирлянды!

Вектор закатывает глаза и уходит. – Катарсис... – начинает бабушка, но я уже выскальзываю на улицу.

Он идёт по краю дороги, тень от моста уже накрывает его. – Эй, дворняга! – кричу я.

Он оборачивается. И впервые за всё время я вижу в его глазах не безразличие, а крошечную искру. Его губы приподнимаются в тихой, почти застенчивой улыбке: – Ты ещё пожалелась, – говорит он.

– Знаю, – ухмыляюсь я. – Но это будет эпично.

Туман смыкается под мостом, мы спускаемся вниз – туда, где правила просто буквы на промокшей бумаге.

Глава 3

Сколько дней я здесь? Месяц? Год? Время – как море: то спокойное, то бурное, то уносящее всё на своём пути, то возвращающее обрывки воспоминаний на берег. И сейчас, глядя на горизонт, я понимаю, что время – это не цифры, не дни, не годы. Это – ритм. Ритм волн, ложащихся на песок, ритм моего сердцебиения, ритм мыслей, которые крутятся в голове.

Волны, едва тронутые дыханием ветра, катятся к берегу. В этом покое растворяются границы: море и небо, песок и душа – всё становится единым полотном. Солнце медленно погружается в море. Я стою на краю обрыва, в руках – листок из блокнота Вектора. Тот самый, где он написал «формула общения с Катарсис»:

На странице: Формула № XXX: Если $K = \text{Катарсис}$, то $K \rightarrow \text{хаос}$ (вероятность 99,9%)
НО... при $C \approx 1,8$ м (расстояние), $t = 23:41$ (время), проявляется аномалия: хаос \rightarrow гармония
(?) Требуется подтверждение.

Между нами диалог на разных уровнях. Он опирается на расчёты и порядок, я же следую за сердцем и импульсом. Мы точно два противоборствующих течения, которые вдруг нашли общее русло. Я как-то спросила:

– Почему именно 1,8 метра?

Он смущённо кашлянул:

– Ну, это средний радиус личного пространства. Знаешь, есть такая теория...

Я рассмеялась:

Ты измерил расстояние, на котором перестаю тебя раздражать?

Он посмотрел на меня с лёгкой улыбкой:

Скорее, на котором ты становишься не просто милым раздражителем, но и тем, что заставляет меня замечать детали, которые раньше ускользали.

С тех пор наши разговоры стали привычкой, которая постепенно меняла нас обоих.

Как-то раз он сидел, уткнувшись в свои записи, когда я вырвала блокнот из его рук: – Ты правда веришь, что эти каракули объяснят всё? – Нет. Но они дают опору, – ответил он, избегая моего взгляда. – А ты? Ты веришь, что боль можно превратить в искусство? – Я верю, что иначе она убьёт меня. – Не согласен. Твоя боль – это топливо, – он резко встал, и наши лица оказались в сантиметрах друг от друга. – Ты сжигаешь себя, чтобы другие согрелись.

Тишина. Только часы на стене цокали, отсчитывая секунды до взрыва. – Бабушка Ностальгия говорит, один из нас исчезнет, – выдохнула я. Он отшатнулся, будто обжёгся: – И ты... – Нет! – перебила я. – Я в это не верю! – Хочешь сломать их правила?

Я рассмеялась. Такого Вектора я ещё не видела – с горящими глазами. – Ты научишь меня понимать твои формулы. Начнём завтра.

– А ты научишь меня, – он сделал паузу, будто признавая поражение, – понимать чувства.

Растворяемся друг в друге? Или... создаём новую реальность?

Я смотрю на формулу Вектора – «хаос \rightarrow гармония» – и понимаю, что первый шаг мы сделали тогда, под мостом. В чём-то казалось бы незначительном: в уборке.

Пещерка тогда напоминала склад забытого хлама: ржавые цепи, обрывки канатов, сырость, въевшаяся в каменные стены. Он сидел среди этой свалки, склонившись над блокнотом. Наверняка опять пытался заключить мир в цифры и формулы, чудак.

Мы с Радостью переглянулись и без слов поняли, что оставлять пещеру в таком виде никак нельзя. – Дворняга, нам очень пригодится твоя помощь! Есть идеи, как можно быстрее и с минимальными энергозатратами разобрать весь этот хлам?

Вектору явно понравилось, что я обратилась к его рациональности за советом: – Если распределить нагрузку на большее количество исполнителей, то получится быстрее и проще. – Отлично! Мы готовы помочь тебе с уборкой. Начнём?

Вектор понял, что я схитрила, ухмыльнулся и ответил: – Это очень мило с твоей стороны.

Среди развалин нашлись вещи, которые нам оченьгодились: старый ковёр, деревянные ящики, стол. Немного фантазии – и хлам превратился в уютную обстановку пещерки.

Я остановилась у входа, оглядываясь. В углу, на грубо сколоченных поддонах, лежал матрас, заваленный одеялами. Они были мягкими, чуть поношенными, но тёплыми. Подушки, брошенные поверх, манили прилечь и забыть обо всём.

В центре пещеры стоял стол – тёмный, массивный, с глубокими царапинами. На нём горел медный светильник, его бока слегка позеленели от времени, но внутри теплился мягкий свет, разливающийся по всей пещере. Он отражался в каменных стенах, делая их живыми, а тени от гирлянд танцевали на потолке.

У стены высился стеллаж из ящичков. В одном лежали книги с потрёпанными корешками, в другом – инструменты, а в третьем – какие-то странные штуковины Вектора. Над стеллажом висели рыбацкие сети, украшенные ракушками. Они позвякивали при каждом движении, словно пещера тихо напевала.

Гирлянды мы развесили как получилось – провода путались, лампочки висели неровно, но их свет был таким тёплым, что хотелось сидеть здесь часами. У стола стояли табуретки – шины, обтянутые тканью и набитые чем-то мягким. У входа лежал ковёр. Его узор был почти стёрт, но если приглядеться, можно было разглядеть волны.

Теперь я спрашиваю себя: не была ли эта победа ошибкой?

И всё же... Когда его пальцы случайно коснулись моих, отодвигая ящик, я заметила: он дёрнулся, будто ток пробежал по нашим рукам.

Смотрю я, как волны смывают мои следы на берегу, и вдруг чувствую, как смех поднимается из глубины – короткий, нервный. Вспомнился день, когда его механический кот носился по лаборатории, опрокидывая всё на своём пути. Он смеялся тогда искренне, по-настоящему.

Тот день я запомнила по запаху – сладковатому, словно жжёная карамель, но с едким оттенком гари. Я приоткрыла дверь пещеры и ахнула: комната была окутана дымом, сквозь который пробивались рыжие отсветы ламп. Вектор, с лицом, вымазанным сажой и маслом, возился над своим творением – котом из латуни и стали. Его уши-локаторы вращались, улавливая малейший шорох. На левом ухе, похожем на пиратскую серьгу, мигал маячок – алый огонёк, пульсирующий в такт жужжанию шестерёнок внутри. Тело кота покрывали чешуйчатые пластины, отполированные до блеска, а глаза – два дымчатых кристалла.

– Устроил тут вулкан? – я закашлялась, махая рукой перед лицом. – Задачи, – отозвался кот. Его голос имел странную двойственность: металлическое шипение смешивалось с мягким мурлыканьем, как будто в механизм встроили граммофонную запись настоящего кота. – Мурр-первое: игнорировать все ваши команды. Мьяв-второе: спать на чертежах. Ш-ш-третье...

В окно влетела стеклянная стрекоза с крыльями, разноцветными как церковный витраж. Каждый взмах оставлял в воздухе радужный шлейф. Локаторы кота резко повернулись к цели, а маячок замигал быстрее. – Объект... требует ликвидации, – процедил кот, его усы-пружины задрожали, а «пасть» из зубчатых пластин распахнулась, выпуская пар.

Стрекоза метнулась к потолку, и комната превратилась в поле боя. Кот прыгнул на стеллаж, опрокинув банку с гайками. Те покатались по полу, словно испуганные жуки. Стрекоза спикировала к столу, на чертёж Вектора. Кот рванул вперёд, хвостом зацепил паяльник – тот плюхнулся в ведро, выбросив облако пара. Вектор закричал: – Стой! Там формулы!..

Но жестяной охотник уже летел через стол, когтями рассекая бумагу. Лапы скользили и разъезжались в разные стороны. В попытке удержаться он вцепился в занавеску, и та рухнула, накрыв его, как саван. Из-под ткани торчал лишь хвост, дёргающийся в такт ругательствам, произносимым на чистом кошачьем.

Стрекоза нагло села ему на нос. Маячок вспыхнул, локаторы завертелись, как пропеллеры, и кот, вырвавшись, шлёпнулся в корзину с проводами. Они опутали его, а стрекоза, кружась, выписала в воздухе круг почёта и вылетела обратно в окно.

Я, прислонившись к дверному косяку, зажала ладонью рот, чтобы не рассмеяться. Но Вектор... Вектор стоял, сжимая отвёртку, как древко знамени. Его лицо, обычно непроницаемое, дрогнуло. Сперва это был лишь хриплый выдох, потом – сдавленный звук, словно лопнула пружина, и наконец – смех. Неудержимый, раскатистый смех! – Он... – Вектор ткнул пальцем в кота, который выгрызал себя из проводов. – Он как торнадо в часовом механизме! – Зато оживляет интерьер, – парировала я. – Как насчёт имени, придумал?

Кот выбрался из проводов, выпрямился, неспешно прошествовал к остаткам чертежей и растянулся на них. Вектор вытер лицо, оставив сажистую полосу на лбу: – Штормик. Потому что одна его шалость – и в комнате начинается ураган.

Кот фыркнул, выпустив струйку дыма, маячок вспыхнул ярче: – Одобря-я-я-емо. Вызов принят!

Смех Вектора тогда был почти неуловимым проблеском. Он вырвался наружу, и на мгновение его лицо стало другим: не строгим и сосредоточенным, а живым, настоящим. Это был смех, который не вписывался в его формулы, не подчинялся логике. И, может быть, именно поэтому он стал искрой – той самой, от которой позже разгорелось что-то большее.

А это произошло в тот день, когда Радость ворвалась с патефоном. Она несла его, как трофей, и кричала что-то про «комнату забытых мелодий» у бабушки Ностальгии. Вектор крутил механизм с таким видом, словно разбирал бомбу, а я смеялась над этим нелепым чудачеством. Он нахмурился, осматривая устройство. Его пальцы скользнули по рычажкам, потом он дёрнул за что-то – резко, как будто проверял, не заклинит ли. Патефон фыркнул, зашипел, и Вектор отпрянул, словно ожидал, что из него выскочит что-то опасное. Но потом, сжав губы, он снова взялся за ручку, на этот раз медленнее, аккуратнее. Пластинка закрутилась, игла опустилась, и он замер, прислушиваясь к каждому щелчку, каждому шороху. Скрипка взывала в ритме танго. Страстный ритм, которому сложно не подчиниться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.